

— В Библии написано, что после убийства Авеля Каин взял себе жену. Где он её взял? Значит, кроме Адама и Евы были другие люди на земле?

О. Георгий Кочетков: Библия не является хроникой. И поэтому не надо относиться к её сообщениям как к сообщениям ЗАГСа. Как известно, и Адам жил долго, не одно могло поколение смениться за это время. И его дети жили долго. Поэтому по умолчанию предполагается, что настала новая эпоха, открывается новая страница: когда дети Адама и Евы продолжают род.

— Зачем нужны крёстные, если крестится взрослый человек? Он ведь сам решил креститься.

О. Георгий: Крёстные первоначально были именно при взрослых людях. Они должны были свидетельствовать о том, что крещение принимается искренне, что подходящий ко крещению не будет предателем общины, предателем своих братьев и сестёр, своих духовных отцов. И такое поручительство было очень важным.

Кроме того, крёстный всегда — молитвенник за своего крестника. Это имеет значение как для детей, так и для взрослых. И если воспитательная функция с точки зрения взрослого, может быть, не так важна, то функция взаимопомощи, поддержки, дружбы важна всегда. Ведь любому человеку в любом возрасте хочется иметь настоящих друзей, и особенно драгоценно иметь друга не только меньшего или равного тебе, но старшего по опытности, по своему внутреннему состоянию или положению. Так что институт поручительства, институт крёстных может и должен иметь большое значение.

Другое дело, как выбираются крёстные, кто ими реально становится. Это уже отдельная проблема. Этот процесс должен стать более церковным, более ответственным, более традиционным, о чём мечтал и писал уже о. Александр Шмеман в своей книге «Водою и духом». Об этом приходится продолжать думать и в наше время.

— Почему сейчас в крёстные берут людей, которые сами ничего не знают о церковной жизни, лишь бы был крёстный? Они и научить ничему не могут крестников.

О. Георгий: Это продолжение предыдущего вопроса. Действительно, номинальное исполнение правила не может привести к хорошему результату. Поэтому часто как крёстные, так и само крещение становится формальным, не приводит к возрождению человека, к его одухотворению, духовному обновлению.

В течение веков проблем с крещением накопилось очень много. Их надо как-то решать, и, конечно, в первую очередь требовать большей подготовки самих крещаемых, их полной катехизации. Необходима какая-то система проверки этого в каждом конкретном случае, если проводил такую катехизацию не сам крестящийся священник или епископ. За этим стоит много новых проблем. Но это уже другие проблемы.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ КРЁСТНЫЕ

На вопросы отвечает свящ. Георгий Кочетков

— Зачем в церкви нужны священники? Они только службы проводят?

О. Георгий: Старшие в церкви всегда нужны (к слову говоря, в любом собрании есть свой старший). Священник на более правильном, каноническом языке называется пресвитер¹ или епископ². И в нормальном случае эти люди не просто профессионально знающие богослужение и умеющие его проводить, это именно старшие в собрании, в общине, способные духовно помогать младшим, возвращать их «до полноты возраста Христова». Это очень важно. И церкви надо, конечно, заботиться о том, чтобы каждый рукоположенный, призванный к служению пресвитер, епископ был по-настоящему священником, приносящим духовные жертвы вместе со всем народом Божиим, который он окормляет, т.е. направляет в сторону Христовой жизни в её полноте, святости и совершенстве.

— А что происходит, когда мы освящаем квартиру или машину?

О. Георгий: Точно то же, что и при освящении любой вещи. Какая разница, что мы освящаем — икону, квартиру, машину, завод, магазин или что-то ещё?

Освящение всегда означает одно: исполнение призвания Божьего. Люди освящаются в крещении, в таинствах, при чтении слова Божия, в молитве. Вещи тоже освящаются словом Божиим и молитвой, но иногда и с применением других средств, святой воды, например. Что же при этом происходит? Освящение — это всегда передача в руки Божьи того, что освящается — для того, чтобы Бог был

верховным руководителем освящённой вещи. Бог должен быть Господом и Владыкой всего. И важно помнить, что на тех, кто распоряжается вещью освящённой, возлагается большая ответственность по сравнению с теми, кто распоряжается вещами неосвящёнными, и последствия более честного или менее честного отношения к этим обязанностям в том и другом случае будут разными.

— Я прочитал в одной православной книге, что нужен духовник, а как его найти?

О. Георгий: Это целый комплекс проблем, которые невозможно решить быстро. Найти духовника непросто. Это не просто человек, который помогает на исповеди. Священник, который регулярно исповедует, может стать духовником, если он сроднится с человеком, поймёт его и будет ему действительно помогать следовать за Христом, если он не будет навязывать свою индивидуальную волю, как бы становясь между верующим человеком и Богом. Это очень важно понимать всем, кто ищет духовника. Духовник в наше время — это прежде всего духовно старший человек, иногда духовный друг, иногда духовный отец, иногда духовный брат. И не надо спешить называть кого-либо духовником, даже если есть очень хорошие, очень близкие, добрые личные отношения с тем или иным священником. Духовничество в чистом виде в наше время вообще почти невозможно. Оно родилось в монашеском контексте, в монастырской среде и первоначально означало возможность исповедания человеком помыслов в любой момент его жизни.

Когда человек живёт в общине, он должен иметь возможность прийти к старшему, к своему духовному руководителю, к духовному отцу за советом или за молитвенной помощью в таинстве покаяния в любое время дня и ночи. Такие отношения не могут быть формальными и не могут быть только должностными. Так что здесь требуется рассуждение, сдержанность, трезвенность и опытность.

— Прочитал Ваш ответ на свой вопрос про Бабу Ягу³. К сожалению, ответы всех священников однотипны. Много слов, а по существу ничего. Откуда Вы знаете, что думают животные, и с чего Вы взяли, что человек — это что-то особенное? Практика показывает как раз то, что человек — это самое худшее из животных. Если отбросить всё словоблудие, то человек живёт лишь затем, чтобы получить удовольствие и обустроить быт. Никакая вера ни в какого бога не изменяет человеческой сути и инстинктов. Вы посмотрите на попов. Это же хапуги из хапуг. Сладкоречиво словоблудствуют, а сами развеззают на иномарках. И попробуй им скажи что-нибудь. Где Ваш бог-то? Нет его нигде. Есть лишь тупая животная борьба за выживание. А если б бог и был, то зачем он такой нужен? Обладая неограниченными возможностями, не суметь создать ничего лучшего, чем этот убогий злой мир. Да ещё и наказывать вечными муками и без того затравленных людей. Это — бог-тиран и убийца.

О. Георгий: Ну, что же, Ваша реплика вполне закономерна. Вы действительно затравленный, несчастный человек. И Ваш бог действительно, видимо, бог-убийца, т.е. сатана. В этом-то вся и беда, что человек в таком случае не видит ничего, кроме самого себя. И вопрос здесь уже не в боге, а в человеке: всё дело в том, способен ли он быть человеком в трудных обстоятельствах своей жизни, к чему он стремится, что он чувствует как своё главное призвание. Каждый человек говорит из глубины своего сердца, своего опыта. Можно лишь пожалеть того, чей опыт — именно такой, можно лишь помолиться о нём как о несчастнейшем человеке, которого пока не ждёт ничего хорошего, доброго, радостного, счастливого на земле. Дай Бог, чтобы Вы очнулись, прозрели и увидели, что этот мир не сводится только к тем вещам, о которых Вы пишете, что в нём есть совсем другие вещи и совсем другие люди. Дай Бог, чтобы Вы увидели, как благодать и любовь меняют людей. Видимо, Вы никогда не любили или полностью разочаровались в любви, в свободе и в истине. Дай Вам Бог открыть бездну божественной Премудрости и разума, силу смиренного Божьего Духа, силу жертвенной Любви, явленную Христом, и через Христа прийти благодатью Святого Духа к Богу и в Церковь.

¹ Именно это слово, по-гречески означающее «старейшина», звучит во время рукоположения — ред.

² «Блуститель».

³ См. «Открытую встречу» № 31, приложение к «Кифе» №12 (102)

ДО ПОСЛЕДНЕГО СУДА

Начало в предыдущем номере «Открытой встречи» (Кифа № 109)

Время понадобилось немало времени на то, чтобы прийти в себя. Когда же она успокоилась настолько, что смогла, наконец, поразмыслить над увиденным и услышанным, то поняла — визит к Агнии Васильевне не стоит считать неудавшимся. Ведь благодаря ему в истории загадочного самоубийства врача больницы ГУЛАГа появились новые детали. Прежде всего, теперь не оставалось сомнений, что оно произошло по какой-то важной причине. Причем настолько важной, что из-за нее Дмитрий Павлушков решил сделать свою душу на вечные адские муки. Возможно, Агния Васильевна знала эту причину. И именно поэтому обронила многозначительную фразу: «он сам во всем виноват». Но что означали другие ее слова: «он всегда думал о ком угодно, кроме нас»? Только ли то, что после самоубийства врача его дочь лишилась рабо-

ты, а внуки — места в привилегированной школе? А может, Дмитрий Павлушков тайно помогал кому-то из тех, кого тогда относили к «врагам народа»? И когда это открылось, покончил с собой в страхе за собственную жизнь и свободу. Вот только кому он мог помогать?

Тут Нине опять вспомнилось, как Татьяна Игоревна рассказывала ей о письме, найденном среди бумаг прадеда. Том самом, в котором он ходатайствовал, чтобы больным туберкулезом заключенным улучшили условия содержания. В те времена подобный поступок вполне могли расценить как пособничество врагам народа. Со всеми последствиями этого... Впрочем, «врагом народа» тогда мог оказаться кто угодно. Например, кто-либо из знакомых или друзей Дмитрия Павлушкова. Хотя бы тот же о. Феодор Адрианов, некогда подаривший ему в знак дружбы свою фотографию. Если, конечно, он дожил до 1937 года.

Как говорится, утопающий хватается и за соломинку. И Нина решила на всякий случай проверить эту версию. А потому достала с полки недавно купленную книгу, где были опубликованы сведения о православных, пострадавших за веру на территории их области. После чего поняла, что не случайно лицо о. Феодора оказалось ей знакомым. Действительно, прежде она уже видела его. На фотографии в этой самой книге. Правда, на ней священник выглядел уже стариком. Судя по тому, что он был снят в профиль и анфас, а на груди у него висела табличка с фамилией и годом рождения, фотография была сделана после его ареста. Под ней размещалась биографическая справка о протоиерее Феодоре Адрианове.

Она была краткой и представляла собой перечень дат с комментариями к ним. Согласно этим данным, о. Феодор родился в 1875 году в семье дьякона. По окончании духовной семинарии несколько лет

работал учителем, а затем, после рукоположения в сан священника, служил в одной из городских церквей. В 1931 г. был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и сослан на три года в Северный край. 20 августа 1937 г. арестован вторично, на сей раз «за участие в тайных богослужениях и создание контрреволюционной группировки церковников». 14 сентября постановлением тройки УНКВД приговорен к расстрелу. Расстрелян 22 сентября 1937 г. 8 июня 1959 г. реабилитирован посмертно.

Итак, о. Феодор Адрианов был арестован и расстрелян за несколько месяцев до самоубийства Дмитрия Павлушкова. Все это время его друг оставался на свободе. Так что, судя по всему, он был совершенно непричастен к делу о. Феодора. Тогда почему же он так ненадолго пережил его?

Увы, эту тайну старый врач, как говорится, унес с собой в могилу.

Окончание на с. 2

ДО ПОСЛЕДНЕГО СУДА

Окончание. Начало на с. 2

Окажись на месте Нины кто-то другой, он бы давно махнул рукой на всю эту запутанную историю. К чему, как говорится, ворошить далекое прошлое? Тем более что речь шла о совершенно чужом человеке. Причем таком, которого ненавидели даже ближайшие родственники, считавшие его виновником всех своих несчастий. Вдобавок, становилось очевидным, что поиски зашли в тупик. А потому их вполне можно было прекратить, занявшись вместо этого иными, куда более важными и насущными делами.

Однако Нина решила продолжать их до тех пор, пока остается хоть малейшая надежда разгадать тайну самоубийства Дмитрия Павлушкова. Потому что ей очень хотелось узнать правду. Уже не из любопытства. И даже не оттого, что этот человек был ее собратом по врачебному ремеслу. Просто ей было жаль его. Интуиция подсказывала ей, что Дмитрий Павлушков не заслужил ненависти со стороны своих домашних. Хотя бы потому, что сам он любил их. Ведь это ради них он перешел работать из амбулатории в больницу ГУЛАГа. После чего в их семье появился достаток, дочь взяли на хорошую работу, а внуков — в престижную школу. Но для того, чтобы его родные получили все эти блага, сам старый врач рисковал здоровьем. Ибо, работая с большими тяжелыми формами туберкулеза, вполне мог заразиться сам. Можно сказать, он рисковал даже жизнью. Поскольку, как верно подметила его правнучка, о каком лечении туберкулеза могла идти речь в те времена? После этого казалось странным, что человек, привыкший жертвовать собой ради семьи, вдруг ни с того, ни с сего совершил самоубийство. Несомненно зная, что от этого могут пострадать дорогие для него люди. Тогда почему он все-таки это сделал?

Но и на этот вопрос Нина не могла найти ответа. И поэтому решила обратиться за помощью к одному знакомому, который куда лучше, чем она, разбирался в людях. Поскольку он был, что называется, духовным врачом. То есть священником.

Когда-то о. Александр, а в ту пору еще Александр Иванович Т., был ее коллегой. И работал с Ниной в одном отделении. Мало того — тогда он даже писал диссертацию по неврологии. То было в самом конце 80-х годов, когда, после празднования тысячелетия Крещения Руси, словно вернулись времена Владимира Святого, и народ, кто просто из любопытства, а кто и в поисках пути и истины, потянулся в храмы. Среди последних был и Александр Иванович. Поскольку же вслед за тем в области начали открываться новые приходы, а потому понадобились и батюшки, уже через полтора года он сменил белый халат врача на черную рясу священника. После чего был направлен служить на приход в один отдаленный поселок. Причем настолько обогий, что иные из старших коллег о. Александра, считавшие его «увлечение религией» — блажью, а уход из аспирантуры — безумием, были уверены — через пару месяцев житья там он присмирится и поумнеет. А в итоге вернется и в медицину, и в науку... Однако «человек предполагает, а Бог располагает». И с Его помощью о. Александр не только не сбежал с дальнего и бедного прихода, но, напротив, так активно занялся его благоустройством, что всем сразу стало ясно — он прочно и явно надолго там обосновался. Он не просто отремонтировал, но фактически возвел заново тамошнюю вконец обветшавшую деревянную церквушку. А рядом с нею построил воскресную школу и даже гостиницу для паломников. Так как со временем его приход стал объектом паломничества не только для местных жителей, но и для горожан, и даже для людей из других епархий. А прозвище «чудотворец», которым кто-то за глаза называл о. Александра, поначалу, разумеется, иронически, теперь произносилось, что называется, со священным трепетом. Причем вполне заслужен-

но. Он, действительно, совершил чудо, возродив и обустроив свой приход. Хотя, что было не менее удивительно, нисколько этим не гордился.

Однако о. Александр, занятый, помимо служения в храме, многочисленными строительными, хозяйственными, просветительскими и миссионерскими делами, лишь крайне редко мог позволить себе выбраться в город. Но уж если приезжал, то непременно навещался к своим старым знакомым. В том числе и к Нине.

Вот и на сей раз, оказавшись в городе по каким-то делам, он заглянул к ней в гости. А Нина, пользуясь случаем, рассказала ему о своих попытках разобраться в загадочной истории, которую она случайно (а, возможно, и не случайно) услышала от бывшей подруги. Признавшись, что сделать это в одиночку ей так и не удалось, а потому она очень надеется на помощь о. Александра. Ведь ей хорошо известно, что в городе у бабушки имеется множество знакомых и духовных детей. В том числе и людей весьма влиятельных.

В отличие от нее, о. Александр куда больше заинтересовался судьбой протоиерея Феодора Адрианова. Ведь он уже который год собирал сведения о своих земляках, пострадавших за веру. Причем не только архивные данные, но и воспоминания о них. В будущем же собирался написать на их основе повесть или роман о новомучениках. Чтобы сделать подвиг этих людей понятным даже тем людям, кто еще только приходит к Богу. А потому не знает, какого мужества требует от человека вера. И какое мужество придает ему она.

— А ведь похоже, что у него есть родственники, — заявил о. Александр, изучив биографическую справку об о. Феодоре. Именно они и ходатайствовали о его реабилитации. Что ж, попробую-ка я их поискать. И, как только узнаю что-нибудь, непременно сообщу.

Но проходили дни, недели, месяцы, а о. Александр не спешил объявиться. Так что Нина уже начинала подумывать — а не забыл ли он о своем обещании? Или просто не смог найти родных о. Феодора? И постепенно, за делами насущными, она сама стала забывать, как стремилась когда-то разгадать тайну гибели врача Дмитрия Павлушкова. Мало того, теперь Нине казалось, что не было никакого смысла доискиваться правды. Ведь кому она оказалась бы нужна? Лишь только ей. И меньше всего — теперь уже единственной и последней оставшейся в живых его родственнице — его правнучке Татьяне Игоревне, которая за это время успела похоронить тетку, продать ее и свою квартиру, рассчитаться на работе и уехать в монастырь. По ее словам, навсегда. Но спустя два месяца Татьяна Игоревна вдруг вернулась. После чего, по слухам, устроилась участковым терапевтом в одну из поликлиник. Где она теперь жила, не знал никто. Лишь однажды, уже много позднее, Нина встретила ее на улице. Она останавливалась прохожих, предлагая им номера «Сторожевой башни». Татьяна Игоревна сильно изменилась. Она совершенно поседела, и, судя по ее виду, почти не следила за собой. А на ее лице застыло столь злобное выражение, словно весь мир виделся ей теперь исключительно в черных красках. Нина попыталась заговорить с ней — но ее бывшая подруга с такой яростью обрушилась на Православие, что дальнейший разговор оказался бесполезен. Больше Нина никогда не видела ее...

После этого неудивительно, что Нину не особенно обрадовал внезапный звонок о. Александра:

— Алло, Нина Сергеевна! Вы меня слышите? Я нашел внучку о. Феодора. И сейчас еду к ней. Хотите поехать со мной?

Нина хотела было отказаться, сославшись на недомогание или усталость после ночного дежурства. Однако все-таки не смогла солгать о. Александру. А потому ответила:

— Конечно, батюшка. Вы заедете за мной? Я сейчас выйду. И буду ждать Вас на крыльце. Благословите. До встречи.

Не прошло и четверти часа, как они уже были на месте. То есть, в гостях у внучки о. Феодора, Марии Степановны Р.

При виде этой низкорослой, худощавой старушки Нине вспомнились две другие женщины. А именно — Агния Сергеевна и ее племянница. Одной из них она приходилась сверстницей. Другой, судя по висевшим в ее квартире иконам, сестрой во Христе. Однако при этом в ней не было заметно ни капли тех злобы и эгоизма, что сквозили в каждом слове, в каждом движении набожной Татьяны Игоревны и ее тетки-коммунистки. Она встретила гостей так приветливо, словно к ней явились ее давние и долгожданные друзья. И, не забыв, впрочем, взять благословение у священника, захлопнула, вынимая из холодильника, из стенового шкафчика на кухне, из серванта — посуду, конфеты, варенье, хлеб, закуски и даже непочатую бутылочку бальзама. А под конец еще и ловко вскрыла консервным ножом заветную баночку с красной икрой. Отец Александр попытался было остановить старушку, но Мария Степановна, подобно Евангельской Марфе, продолжала «заботиться и суестьись о многом» (Лк. 10, 41), остановившись лишь после того, как кухонный стол оказался полностью заставленным всевозможными угощениями. При этом от наблюдательного взгляда Нины не укрылось, что хозяйка прожила нелегкую жизнь. Об этом свидетельствовали ее руки, на одной из которых у среднего пальца не хватало фаланги, а суставы были деформированы, как у человека, знакомого с тяжелым трудом. Как не укрылось от нее и то, что Мария Степановна, подобно многим своим сверстникам-пенсионерам, живет более чем скромно. Единственными украшениями ее квартиры были вставленная в рамку репродукция картины В.А. Тропинина, изображающая девушку-пряжу со скромной и ласковой улыбкой на румяном юном личике. Да фотографии на полках серванта. С них, улыбаясь, глядели на о. Александра и Нину многочисленные потомки Марии Степановны. В том числе — серьезный карапуз с соской во рту, похоже, приходившийся ей уже правнуком... Еще там была старая черно-белая фотография молодого парня в кепке, по виду, рабочего. Судя по всему, покойный муж Марии Степановны помнился ей именно таким... На верхней полке серванта стояли и книги. В основном русская классика. Хотя на журнальном столике, рядом с яркой плюшевой собакой, лежал потрепанный библиотечный «Остров сокровищ», явно забытый кем-то из внуков, гостивших у Марии Степановны.

Разумеется, за чаем завязалась душевная беседа, во время которой старушка рассказала о своем дедушке-протоиерее все, что она смогла вспомнить. Потому что, когда его арестовали, ей было всего шесть лет.

— Но я все равно помню, как его уводили, — сказала она. — И никогда не забуду. Бабушка в тот же день слегла — парализовало ее. Поэтому передачи дедушке носила мама. Еще и деньги ему можно было посылать. По почте. Так вот, как-то раз отнесла она ему в тюрьму передачу. Передачу-то приняли. А через день ей на почте вернули перевод, который она ему еще раньше послала. Со штампом, что-де адресат выбыл. Мама и встревожилась — в чем дело? Пошла в тюрьму выяснять, а там ей женщина и говорит: «Вам сюда больше не следует ходить. Ваш отец осужден на 10 лет без права переписки». Потом, когда она запрос сделала на имя начальника тюрьмы, ей письмо пришло. А в нем бумага. Такая серая, вроде бланка, в типографии напечатана... И там тоже написано было, что дедушка осужден на 10 лет без права переписки. А у него друг был, который как раз в больнице для заключенных работал. Вот мама и побежала к нему узнать: если с дедушкой переписываться запрещено, так можно ли ему в лагерь хоть переводы посылать? А он взглянул на бумагу и говорит: «Ему уже ничем не помочь. Только Стефаниде Васильевне (это мою бабушку так звали) не говорите». Да бабушка, похоже, все равно догадалась. И через месяц умерла... Потом этот его друг к нам не раз приходил. То денег принесет, то что-нибудь из продуктов. Пропали бы мы тогда, кабы не

Фрагмент фрески «Страшный суд». Успенский собор во Владимире. Андрей Рублёв. 1408 г.

он. Ведь кроме него никто нам не помог. Видно, боялись... Последний раз он в самом начале ноября пришел. И когда уже уходил, говорит маме: «Простите, Анна Федоровна. Теперь мы пока не увидимся. К нам в больницу приехала комиссия. Вчера нашего главного врача забрали... Поэтому некоторое время я не смогу к Вам приходить. Не хочу вас опасности подвергать». А мама ему: «Да, Дмитрий Иванович, Вам лучше поостеречься. Вы и так из-за нас рискуете. А ведь у Вас у самого семья: дочь, внуки. Случись что с Вами, что с ними станется? Конечно, говорят, дети за отца не в ответе...» Как же мама потом кляла себя за эти слова! Он от них прямо-таки в лице изменился. «Простите», — говорит. И ушел. А потом мы узнали, что он в тот же вечер сам себя убил...

А позже, когда они, по обычаю русской интеллигенции, сидели на Нининой кухне, о. Александр рассказал, как ему удалось найти внучку о. Феодора Адрианова. Вернее, как ему помогли это сделать друзья и знакомые из прокуратуры, из адресного стола, и еще многие другие. Вдобавок, он упомянул, что навел справки и о Дмитрии Павлушкове. Оказалось, что в начале ноября 1937 г. в больнице, где он работал, арестовали главного врача, а вслед за ним целый ряд медработников, вменив им в вину высокую смертность среди заключенных, больных туберкулезом. После чего большинство арестованных медиков было расстреляно, а немногие оставшиеся в живых получили большие сроки и сгинули в лагерях. Разумеется, их родственники сполна изведали горькую участь членов семей «врагов народа»...

Потом о. Александр уехал. А Нина допоздна сидела на кухне, пытаясь связать воедино все, что она знала о враче Дмитрии Павлушкове. Теперь в его истории больше не оставалось тайн. Кроме разве что одной — почему почти все родные старшего врача истолковали его поступок, что называется, с точностью до наоборот? И, ненавидя и осуждая его за совершенное самоубийство, не догадывались, что на этот грех его толкнула любовь к ним. Ведь ради того, чтобы спасти их от надвигающейся беды, Дмитрий Павлушков решил обречь на вечную погибель собственную душу. Впрочем, ответ на этот вопрос напрашивался сам собой...

Однако, если «...Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8), то какой приговор Он вынесет этому человеку? Осудит или помилует? Нина понимала: этому суждено оставаться в тайне до того последнего, страшного и беспристрастного суда, когда Господь станет судить мир и всех, кто когда-либо жил в нем. Не только за их дела. Но и за «помышления и мысли сердечные».

Монахиня Евфимия (Пашенко)